

Е. И. ДЕМИНА (Москва)

„ЖИТИЕ ПЕТКИ“ ЕВФИМИЯ ТЪРНОВСКОГО В НОВОБОЛГАРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

К важным аспектам исследования творчества выдающихся писателей славянского средневековья смело можно отнести не только задачу всестороннего анализа созданных ими литературных произведений, оценки их влияния на современников, учеников и последователей, не только задачу охарактеризовать литературную школу, которую они представляют, силу и глубину ее традиций, ее место в общем литературном процессе эпохи, ее значение в истории литературного языка данного народа, но и скромную задачу проследить дальнейшую судьбу конкретных произведений, их жизнь в веках. Последнее само по себе нередко является мерилом значимости этих произведений, существенным критерием их оценки. Именно в этом свете может быть осмыслен факт широкой популярности на протяжении нескольких веков „Жития Петки (Параскевы)“, написанного примерно в 1376—1382 гг. Евфимием Търновским по заказу болгарского царя Ивана Шишмана, которое получило распространение не только в болгарской, но и в сербской, румынской и русской письменности XV—XVII вв.¹

Как чтение на 14 октября, это Житие охотно включалось в состав славянских сборников самого различного состава — прологи, панегирики, минеи.² Мы часто находим его в составе русских Четых-Миней, в различных собраниях поучительных слов, например, в изданном в 1536 г. в Сербии сборнике Божидара Вуковича.³ В 1643 г. одна из редакций Жития Петки Евфимия Търновского была переведена на румынский язык митро-

¹ E. Kałuźniacki. Zur älteren Paraskevaliteratur der Griechen, Slaven und Rumänen. — „Sitzungsberichte der Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien“, Philosophisch-historische Classe, B. CXLI, VIII. Wien, 1899, p. 17—93.

² Перечень рукописей из собраний Зографского, Рилского, Нямецкого, Соловецкого монастырей, собраний Софийской, Белградской, Вильнюсской библиотек, собрания Петербургской духовной академии и частных собраний, содержащих текст различных книжно-славянских редакций Жития Петки, а также библиографические данные о них см.: П. Динев. К. Куев. Д. Петканова. Христоматия по старобългарска литература. С., 1961, с. 335—336.

³ Текст Жития Петки по сборнику Божидара переиздан в работе: St. Novaković. Život sv. Petke. Od patriarha bugarskoga Jeffimija. — Starine IX, Zagreb, 1877, p. 48—59.

политом Молдавии Варлаамом.⁴ Краткая редакция евфимиевского Жития Петки послужила одним из основных источников компилятивной румынской редакции, составленной в конце XVII в. Дмитрием Кантемиром.⁵ Особенно широкое распространение Житие св. Параскевы-Петки получило в составе болгарских сборников XVII—XVIII вв. — дамаскинов.⁶

Все это свидетельствует о стойком интересе к талантливому произведению Евфимия Тырновского. Как известно, в славянскую письменность проникли и другие описания жизни этой популярной в Болгарии святой, переведенные на книжнославянский с византийских оригиналов.⁷ Но именно текст, созданный патриархом Евфимием, получил такое широкое распространение, претерпев множество редакций и переработок.

Основные книжнославянские редакции этого произведения Евфимия Тырновского еще в начале нашего века были основательно изучены Е. Калужняцким в его капитальном труде „Произведения патриарха Болгарии Евфимия“⁸, а также рассмотрены в исследованиях П. А. Сырку, В. Качановского⁹, В. Сл. Киселкова¹⁰ и других ученых. Текстологическая судьба Жития Петки Тырновской в новоболгарской письменности прослежена в одном из исследований, посвященных дамаскинам.¹¹

Как показало наше знакомство с новоболгарскими рукописями и их сравнительный текстологический анализ, Житие Петки дважды (по-видимому, в начале и в конце XVII в.) было переведено на книжный болгарский язык на народной основе. В основу обоих болгарских переводов легла краткая книжнославянская редакция, в которой, по сравнению с первоначальной евфимиевской редакцией, установленной Калужняцким,

⁴ П. А. Сырку. Новый взгляд на жизнь и деятельность Григория Цамблака. — Журнал Министерства Народного Просвещения, т. 236, 1884, с. 126; E. Kaľužņiacki. Op. cit., с. 17—31; Калужняцкий публикует румынский текст Жития в переводе Варлаама по печатному оригиналу 1643 г. и параллельный текст книжнославянской пространной редакции евфимиевского Жития Петки по рукописи 1178 Национального Музея в Бухаресте (Op. cit., с. 20—29); P. Olteanu. „Damasinsky“ prúd v slovansko-rumunskéj literatúre. — Referáte a prednášky prednesene na VII-om kongrese slavistov. București, 1973, p. 31—33.

⁵ E. Kaľužņiacki. Op. cit., с. 42—47, 92.

⁶ Перечень дамаскинов, содержащих книжнославянский и новоболгарский текст Жития и данные о них см.: Е. И. Демина. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII века. Ч. I. Филологическое введение в изучение болгарских дамаскинов. С., 1968, с. 4—49, 54—64, 162—169.

⁷ E. Kaľužņiacki. Op. cit., с. 54—64; Д. Иванова-Мирчева. Евтимий Тырновски, писател-творец на литературния български език от късното средновековие. — Тырновска книжовна школа. 1372—1971. Международен симпозиум. Велико Тырново, 1974, с. 208.

⁸ E. Kaľužņiacki. Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius. Wien, 1901, p. LXV—LXXXV.

⁹ П. А. Сырку. Несколько заметок о двух произведениях тырновского патриарха Евфимия. — Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. СПб., 1883, с. 386—401; В. Качановский. К вопросу о литературной деятельности болгарского патриарха Евфимия. — Христианские чтения. 1882, № 7—8, с. 4—8; он же: Новые данные для изучения литературной деятельности болгарского тырновского патриарха Евфимия (1375—1393) — Христианские чтения. 1883, с. 23—26.

¹⁰ В. Сл. Киселков. Житие на св. Параскева от патриарх Евтимий. — Българска историческа библиотека, год. 3, 1930, кн. I, с. 190—217.

¹¹ Е. И. Демина. Указ. соч., с. 162—169. На конкретном материале данного исследования базируются сообщаемые ниже сведения о новоболгарских переводах Жития и распределении дошедших до нас списков по редакциям их текста.

опущено пространное введение, прощальное и похвальное слова и молитва к святой Параскеве. Не находим в ней и рассказа Григория Цамблака о перенесении мощей св. Петки после захвата Тырновской Болгарии турками в 1394 г. в Видин и затем в Сербию, который обычно включался в один из видов распространенной редакции. Эта краткая книжнославянская редакция имела довольно широкое распространение как в Болгарии, так и за ее пределами. Именно она входила в состав Ханджарского дамаскина XVII в. Она же была издана Божидаром Вуковичем в упоминавшемся выше сборнике. По мнению П. Олтяну, эта же редакция была переведена на румынский митрополитом Молдавии Варлаамом.¹²

Старший из новоболгарских переводов, дошедший до нас во многих списках, в свою очередь представлен двумя редакциями, отраженными соответственно в двух типах новоболгарских дамаскинов XVII—XVIII вв. — Тихонравовском, Протопопинском, Копривштенском, Троянском, Пловдивском № 117, № 1073 Софийской Народной библиотеки, № 721 и № 1065 той же библиотеки, с одной стороны¹³, Люблянском, Дрянновских А и Б, Тревненском, Котленском — с другой.¹⁴ Между этими редакциями Жития ощутимо прослеживается генетическая взаимосвязь, причем о постепенном движении текста от редакции типа Тихонравовского дамаскина к редакции типа Люблянского дамаскина позволяют судить разночтения в списках Жития, включенных в дамаскины смешанного типа (Сливенский, Жеравненский)¹⁵. Наличие целого ряда существенных обработок первоначального текста как на книжнославянской, так уже и на новоболгарской почве не только подтверждает хорошо известный филологам славистам факт своеобразия представлений об авторстве, авторском тексте в период позднего средневековья, но и свидетельствует о глубоком интересе болгарских книжников XVII—XVIII вв. к творчеству Евфимия Тырновского. Не случайно, личность автора оттенена в старшем новоболгарском тексте вставкой специального фрагмента: „Амн тъкмо кол'кото нашъ ѡмъ постигнь, н напнсахъ азъ, Свѣтнѣе патрѣар'хъ тырнов'скы, що знаахъ, амн н вѣе, басвенн хрѣстѣане, послашайте“ (Тихонр. дамаскин, л. 55), который отсутствует во всех книжнославянских и в младшей новоболгарской редакциях. Здесь же находим ряд других пополнений текста первоначальной и краткой редакций, в частности, фрагмент с указанием на дату 1202 год, когда мощи св. Петки были перенесены в царскую церковь в Тырнове.¹⁶

¹² P. Olteanu. Op. cit., с. 31—33.

¹³ Е. И. Демина. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII века Ч. II. Палеографическое описание и текст. С., 1971, с. 94—98; Л. Милетиц. Копривштенски дамаскин. Новобългарски паметник от XVII век. — Български старини, кн. II, С., 1908, с. 7—12; А. Иванова. Троянски дамаскин. Български паметник от XVII век. С., 1965, с. 77—83.

¹⁴ Л. Аргиров. Люблянският български ръкопис от XVII век. — СБНУ, кн. XII, 1895, с. 550—556.

¹⁵ Полный текст Жития Петки по Жеравненскому дамаскину опубликован П. Сырку (указ. соч., с. 387—393).

¹⁶ „Н възнесоха ю въ градъ въ црковь царевъ н положнше ю въ лѣто ѡт рождѣства хрѣста. Различно чудо исцѣленіе чини н до днесь, кой съсчѣнста въѣдъ прихоща на нейнъ ковчегъ“ (л. 60). В первоначальной редакции: Н принесеше положнше въ цр[к]ву

В младшем новоболгарском переводе, о котором мы можем судить по сохранившимся от двух дамаскинов — Берлинского¹⁷ и № 133 Центрального историко-археологического Музея при св. Синоде в Софии¹⁸ фрагментам текста Жития Петки, особый интерес представляет рассказ, обнаруженный нами на одном из листов рукописи № 133. В рассказе повествуется о захвате турками Болгарии и Сербии и о перенесении мощей св. Петки при султани Селиме Втором в Цариград, где ей поклонялись и турки. Этот любопытный во многих отношениях рассказ до сих пор не привлекал к себе внимания исследователей литературоведов и историков и, безусловно, нуждается в специальном изучении.¹⁹ В связи с этим хотелось бы упомянуть интересный факт, подмеченный Е. Калужняцким. В издании сборника Варлаама 1643 г. на обороте л. 116 находятся иллюстрации к тексту Жития Петки, в подписях к которым помимо содержания эпизодов, представленных в варлаамовском тексте Жития, находим упоминание еще двух эпизодов: перенесение мощей святой из Тырнова в Константинополь при султани Селиме Втором (в пренесеніе Селім солтаном царемъ Турскимъ) и перенесение мощей из Константинополя в Яссы при воеводе Василе (третее прене. от Цариград во Ясы Ів Василем воевод.). Калужняцкий на основании этого выдвигает предположение о том, что в Румынии еще до перевода Варлаама была

царьскѣй, надеже и до д[ѣ]ньшняго лежѣть д[ѣ]нѣ, различнаа исцѣленіа подававши
ниже съ вѣрою и любовію тои славѣти прѣтѣкающѣмъ рацѣ (с. 71). Из этого отрывка
следует, что болгарскому книжнику остался неизвестным факт о переносе мощей св. Петки
в Видин, Сербию, Константинополь, Яссы. Здесь и далее (если это специально не оговора-
ривается) новоболгарский текст дается по Тихоуравовскому дамаскину, цифра в скобках
после примера обозначает лист рукописи; книжнославянский текст приводится по перво-
начальной редакции, опубликованной Е. Калужняцким (Е. Kałuźniacki. Werke...,
р. 59—77); цифра после примера указывает на страницу книги Калужняцкого. В примерах
сняты в целях упрощения набора все надстрочные знаки, кроме паерков и титлов, над-
строчные буквы введены в строку. Текст разделен на слова, даны современная интерпункция
и употребление прописных и строчных букв.

¹⁷ Б. Цонев. Славянски ръкописи в Берлинската държавна Библиотека. — В: Сборник БАН, кн. 31, 1936, с. 3—15.

¹⁸ Е. Спространов. Опис на ръкописите в библиотеката при Св. Синод на българската църква в София. С., 1900, № 133.

¹⁹ Поскольку рассказ невелик по объему, позволим себе полностью привести его текст: „А напаконь слеть много време, като отслабна от много конскн и гоненіе латинско црство сась гръческо, наделѣха тврци и съ съмь нѣ токо Црнград, и сето гръческо црство, амн и околните странн и господарства презеха и поровиха, сась тѣхъ и црството българско наедно сась сръбското господарство и още. А нан втрѣдѣ в дннѣ сватанѣ селнимовн вторн црѣ тврскн, защо прѣвен Селнимъ сас хрнстенете не съ вн, амн токо сас прѣснѣ. Н тонзи Селнимъ мошнѣ чстнѣ Петкн сас дръгн хвѣвен премеин черковнн и црскн дарове сас конскѣтѣ сн зе и на Црнградѣ гн занесе и в податѣето свое гн оугодн. Амн и там са не скрн многоцѣнннжѣть маргарнтѣ, амн сас чюдеса много нѣ токо хрстене, амн и тврци на поклоненіе“ (рукопись № 133, л. 295—295 об.).

известна другая редакция Жития Петки, которая в действительности со-держала эти эпизоды.²⁰

Факт пристального внимания к Житию Петки — этому произведению прославленного патриарха Евфимия — со стороны болгарских книжников XVII в. сам по себе в известном смысле является парадоксальным. Как известно, Евфимий Тырновский был верным последователем староболгарских книжных традиций. Стремясь в соответствии со своими религиозно-философскими представлениями к наиболее совершенному и торжественному изложению „божественной истины“, он сознательно архаизировал литературный язык, употреблял в своих произведениях даже в большей степени, чем это имело место в самом староболгарском языке, уже исчезнувшие из разговорного и отчасти книжного языков морфологические категории и синтаксические конструкции²¹, тщательно изгонял из языка своих творений как „еретические“ живые народные черты. Ему удалось создать высокий образец утонченного витиеватого стиля со сложным построением синтаксических периодов, особой ритмико-мелодической организованностью текста, богатым использованием различных художественных средств.²² Напротив, безымянные болгарские книжники XVII в. поставили перед собой принципиально иную цель — создание книжного болгарского языка именно на основе живой народной речи, оформление письменности, доступной простому народу.²³

Интересной и важной представляется задача проследить, как этим книжникам удалось решить сложнейшую проблему столкновения изысканного, нарочито архаизованного и усложненного языка и стиля Евфимия с демократическими чертами народной, близкой по своему духу к фольклору письменности дамаскинов, какое влияние оказали при этом стилистические особенности произведения Евфимия на формирование художественно-стилистических выразительных средств новоболгарского текста.

Если младший из переводов, как показал сравнительный текстологический анализ, представляет собой почти буквальную, пословную передачу книжнославянского текста и не имеет поэтому, как представляется, особой художественной ценности, то старший новоболгарский текст переводом может быть назван лишь весьма условно. Перед нами скорее свободный пересказ краткой книжнославянской редакции, простой и доступный по

²⁰ Е. Ка̀луж̀ниаски. Zur älteren ..., с. 35—41.

²¹ Д. Иванова-Мирчева. Указ. соч., с. 199—206.

²² Цв. Вранска. Стили похвати на патриарх Евтимий. — Сборник БАН, кн. 37, 2. 1942, с. 108—278; Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958; П. Динков. Евтимий Тырновски. — История на българската литература. Т. I. С. 1962, с. 285—303; Д. Иванова-Мирчева. Указ. соч., с. 206—209.

²³ Об особенностях социолингвистической и историко-культурной ситуации и самого процесса формирования книжного болгарского языка XVII в. на народной основе см.: Е. И. Демина. Проблема нормы в формировании книжного болгарского языка XVII в. на народной основе. — Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 118—141. Под действием типологически сходных тенденций развития в эту эпоху на Балканах — в Валахии, Трансильвании, Молдавии, Албании, Греции — также возникали различные типы книжного языка на народной основе (Е. И. Демина. Типологическая характеристика раннего этапа формирования балканских литературных языков. Доклады и сообщения советской делегации. III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы. М., 1974). Интересно отметить, что и митрополит Молдавии Варлаам — создатель одного из типов книжного языка на народной основе — обратился к евфимиевскому Житию Петки.

форме, выдержанный от начала до конца в своем собственном стилистическом ключе. Исчезают сложное, несущее огромную художественную сверхинформацию построение евфимиевской фразы, характерный порядок слов, многочисленные повторы одинаковых лексем, грамматических форм и конструкций, придающие особый ритм повествованию, эти долгие, томительные периоды Евфимия, так сильно нагнетающие возвышенное настроение. Отчасти это связано с тем, что строго выдержанный синтетический строй языка Евфимия в болгарском тексте последовательно сменяется присущим живому народному языку XVII в. аналитическим строем. Резкая смена синтаксических особенностей в структуре предложения сделала во многом невозможным сохранение существенных черт стиля „плетения словес“. Но еще большую роль сыграли целенаправленные усилия болгарского книжника, стремящегося к простому, общедоступному изложению. Приведем для примера один из характерных для языка Евфимия синтаксических периодов и его болгарское соответствие:

Обаче оубо и не хотеши,
 иставашии поустыню,
 въ мнръ еберати се
 и къ царствующомъ
 пришъдиши градъ
 е божиа слова прѣкрасный
 прииде храмъ,
 что недѣюще и творещи,
 коленум честаа
 творещи поклонѣнїа,
 слъзные точещи источники,
 ит ср[ъ]дца честаа
 испущающи стенанїа
 и поустынное помниашии
 прѣбыванїе
 лютоу снѣдаема
 бше печалїю (65)

И да и се не цѣше,
 а тѣа истави ииъзи пѣстыниа.
 И поиде прѣвѣнь на Цариградъ
 и влѣзе в црква хва
 и маба непрѣстанно чинеше.
 Какъ да некаже чакъ
 тол'кози метанїа и поклоны
 и слъзы и сички дни и ноци
 на бдѣнїе бше
 и плачаше и тѣгваше
 за пѣстыната (56 об.)

Заменив излюбленные Евфимием причастные обороты соположением в составе сложносочиненного или сложноподчиненного предложений простых глагольных форм сказуемого, отбросив сложные архаические конструкции типа дательный самостоятельный, *dativus cum infinitivo*, многочисленные страдательные обороты, болгарский книжник XVII в. достигает нового, по-своему выдающегося в стилистическом отношении эффекта. В его устах торжественный рассказ о жизни и религиозном подвижничестве святой зазвучал как безыскусная народная сказка, которую долгими вечерами сказывают у семейного очага, наполнился благоуханием простодушной живой народной речи. Вот, например, рассказ о том, как рядом с телом св. Петки был погребен труп умершего моряка:

Нѣкон постникъ имаше тамо, на стълпъ
 прѣбываше и постеше се ванъз при инова
 мѣсто, гдето е выль гробъ стѣн петки.
 И слвчи се та дмрѣ нѣкон корабникъ, и
 фрялхъ го тамо ванъз при ииъзи стълпъ.

Стълпникъ оубо тогда ванъз нѣгде тоу
 на стълпъ безмалъствующъ и себе и бо
 гови ванмающоу, слвчи се корабникоу нѣ
 кономъ, недѣгомь лютомь больешъ, скон
 чати се и тоу нѣгде поврженъ быти. На

И поче да нсходн смрадъ wt него зльн, код'кото вєкє не можаше тамо да помнне ч'акъ wt зла мнрнз'ма. Заедно н wn'зн стаьпннкъ вєкє не може да трьпн wn'зн смрадъ, амн сл'єзе wt wn'зн стаьпъ, н нанде ч'ацн н повел'є нмь да нскопають трапъ гол'єм, да т'єреть онака т'єло, что смрд'єше. Н wn'а ч'ацн послвшаха wно-гозн постннка н пондоха тамо н зєха да копають н нандоха т'єлото стьн петкы ц'єло н х'єбаво н мнрнзма х'єбава, код'кото навнєаше тазн мнрнз'ма на wn'зн смрадъ.

Н wn'а ч'ацн б'єха гл'єпавы н неразвмынн н не могоха да се вєтететь за оноа стое т'єло, зацо н ннкон не знааше, че є тамо погревєна стаа пет'ка, отн б'єше одаєна была погревєна. Амн се мнwго чюднха, какъ да стореть. Н рекоха си межд'є сєв'є: „Кон пакъ да копає на др'єго м'єсто? Амн є т'єка тонзн гробъ доста широкъ н гл'єбокъ. Да т'єрнме н wназн м'єша да не смрдн. Ато ако в'єд'є тока сто т'єло, б'є ще го нзєадн.“ (57 об.)

Св. Петка, явившись во сне одному из этих людей, говорит ему:

Скоро нзєад'єте монте мощн н полож'єте на х'єбаво м'єсто, зацо не мог'є да трьпнмь аз'є за мнwго тонзн смрадъ. Нє вонш'є ан се б'є, да не бы п'єстналъ б'є wt'єнь да вы попалн? Н аз'є с'ємь ч'акъ, wt майка н wt баща родєна (58).

Четъ же смрадъ нсходнтн безм'єрн'є, яко не в'єзможн ннком'є же мннв'єтн нже блнзъ тоу прнванжающнм се поутем, не т'єчю же, нь н стаьпннкъ, wtнже не мощн нест'єпнмаго смрада оного трьп'єтн, понож'єдєнв б'євшоу wt стаьпа с'єннтн, якоже н нєкынмь повел'єтн ровь нскопатн гл'єбокъ н смрд'єщн wнь тамо в'єв'єргн'єтн троп'є. Онн же, с оц'єрд'єтемь повел'єнное прнємше, оц'єп'єваах'є в'є д'єл'є. В'є снхъ оубо т'ємь оц'єп'єжнющнм се н ровь в'єгл'єв'євающнмъ, об'єр'єтоше т'єло, в'є зєман лєжєще, т'ємь ннкакоже под'ємше. Оужаснн же б'єше н чюдєсе коп'єно нспл'єнше сє, недом'єваах'є сє о с'єлоч'єшнм сє, обачє, яко не нскоп'єнн н нев'єждє с'єщє, с'єлвчшєє сє якоже н'єкою мал'є н ннчєсоже с'єщ'є вєщ'є пр'єзр'євшє, блнз'є н'єгд'є тоу троп'є wнь зло-смрадн'є зарн'євшє (68).

В'є скор'є нз'ємше мощн монє, в'є нарчнт'є положнтє м'єстє, не мог'є бо мн'єє зло-смрад'є т'єлєсє wного трьп'єтн, нєw н аз'є ч'єл'єв'єкъ єсмь нз'є мат'єрннх лєжєсн пр'єш'єд (68).

Сравнение показывает, что болгарский книжник XVII в., неспешно перелагая содержание этого рассказа, щедро наполняет его отсутствующими в оригинале живыми достоверными деталями, вводит прямую речь действующих лиц, естественную в своем непринужденном звучании, как будто подслушанную у народа (ср.: Кой пакъ да копає на др'єго м'єсто?). Он нанизывает цепь отсутствующих в оригинале последовательных действий, что позволяет ему зримо воссоздать всю картину развертывания событий рассказа (ср., например, глагольную цепочку: не може да трьпн, сл'єзе, найд'є, повел'є да нскопають; послвшаха, пойд'єха, зєха да копають, найд'єха). Простота и доступность изложения достигаются не только широко употреблением народной лексики и народных выразительных средств (фр'єанха, трапъ гол'єм, стореть, х'єбаво, мнрнзма х'єбава

главакы, мръша, нзвэдн, майка, баща и др.), но и благодаря использованию кратких предложений с глагольными сказуемыми, объединяемых по традициям народного сказа союзами *и, ами* (ср. в противоположность этому сложным, с причастными конструкциями периоды оригинала).²⁴

Впечатление живого, непосредственного изложения усиливается благодаря включению в зачин произведения упомянутого выше фрагмента (амн тькмо кол'кото нашъ змь постигнь, н напнсахъ азъ, сътнмѣ патрѣдр'хъ трънов'скын, що знаахъ, амн н вѣе, блсвенн хрстѣане, послвшайте) с обращением от лица Евфимия к благословенным христианам с просьбой послушать его рассказ, что задает тон всему повествованию.

Как видно из приведенных выше фрагментов и из сравнения первоначальной и новоболгарской редакций Жития в целом, объем использованных в новоболгарском тексте художественных средств по сравнению с оригиналом значительно сокращен. Ряд ярких стилистических находок мастера агиографического жанра не нашел себе в новоболгарском тексте адекватного воплощения, утрачен вообще или передан упрощенно, неточно. Вместе с отказом от сложных синтаксических периодов и иных особенностей стиля „плетения словес“ исчезают многие эпитеты, повторы, метафоры, риторические вопросы и под. Так, например, у Евфимия: къ прѣсвѣтлому Хрстовы матере прѣнде храмоу (65) — в новоболгарском тексте: н понде в црква протѣн бѣн (56 об.); н тамо къ тою чьстнвѣй припадши нконѣ, топыне нещедно нзанвааше слъзы (66) — н тамо припаде на нкона прѣтѣн бѣн н слъзи ѿ очнте си мнво нзлѣа (56 об.); Невтрини оубогоую мене, не възгноушай се свою рабы (66) — н недей се гнѣси ѿ мене що съм твоа ровына (56 об.); подобно тому же вндѣнню вндѣнне вндѣ, н ѿбон на оутрѣна въсьм по дробноу вндѣннаа сказаше (68) — н тѣа таквози вндѣлаа, н таквзы дѣмы н нѣн рекѣе н заръчалѣ: „Скоро стръ да кажешъ това да ѿ ѿ ба ѿгнѣ не нз'горн“. Н настрѣ нзлѣзоха н двата н казахъ на снчкн тамо по конецъ (58).

Однако образные средства оригинала Евфимия, нередко сильно трансформированные, тем не менее, безусловно оказали влияние на формирование эстетических взглядов болгарских книжников XVII в., во многом определили использованные ими приемы художественного изложения. Так, сличение позволяет установить, что из оригинального текста в новоболгарский перешел ряд стилистических фигур и тропов, даже тенденция к особой, иной чем у Евфимия, ритмико-мелодической организации текста. Здесь мы находим целый ряд эпитетов, которые использует Евфимий например: в книжнославянской редакции: сѣа добраа н чнстаа голоуенца Хрстоваа (60) — в новоболгарском тексте: тѣзи чнста н хѣа голѣенца

²⁴ Пусть этот характерный отрывок новоболгарского текста Жития, напоенный живой народной лексикой, с непринужденным народным строем речи, прозвучит как своеобразный отпор еще распространенным высказываниям о дамаскинах, подобных следующему: „Като религиозни книги те си остават в езиково отношение в рамките на библейския стил и скован език, твърде далечен от говоримия народен език“ (А. Кириянов. Народности елементи в езика на „История славянобългарска“. — Паисий Хилендарски и неговата епоха. С., 1962, с. 379. Разрядка моя — Е. Д.)

и двѣца (55): пролѣтныѣ цвѣты (65) — цвѣтоувѣ пролѣтны (56 об.); лю-
бодѣлнаа пчѣла (65) — пчѣла работна (56 об.); двѣамь мѡдрѣнѣм (70) —
мѡдрѣнтѣ двѣнѣнѣн (55 об.); благочѣстнѣнѣн царѣ (70) — благочѣстнѣнѣн царѣ
(58 об.).

Особенно широко в болгарский текст проникают, придавая ему специфический художественный колорит, употребленные Евфимием сравнения, например, в первоначальной редакции: рѡждѣже се ср[ъ]дцѣмь н ѡкоже елень, палнмь на источнѣкы водныѣ — в новоболгарском тексте: н рас-
палн мѡ срѡцѣто като елень кога вжѣднѣе за вода (59); н по семь ѡкоже лю-
бодѣлнаа пчѣла вѣсе пролѣтныѣ цвѣты, снѣе нже тамо вѣса свѣтаа лю-
бодѣрѡуднѣ об'шѣд, мѣста къ прѣсвѣтаомѡу хрѣстовѡу матерѣ прѣнде хрѣ-
момѡу (65) — Н вѣбѣде снѣкѣн црѣквѣн, като една пчѣла работна, цѡ вѣб'ходн
снѣкѣн цвѣтоувѣ пролѣтны н понде в црѣкѡа прѣстѣн вѣнѣн (56 об.); Сл[ъ]нѣца
же свѣтабѣшѣа прѣподѡбнѣнѣе бѡудѣть память Петкы (60) — Санѣе кол-
кото нма свѣтъ н свѣтн, тол'кози н на прѣподѡбнаа пет'ка память (55).
Нетрудно заметить, что, сохраняя „материальную“ основу этих сравнений,
болгарский книжник XVII в. и здесь не следует буквально за своим ори-
гиналом, широко прибегает к излюбленному им приему использования
предложений с глагольным сказуемым.

В новоболгарском тексте сохранены и некоторые несущие стилисти-
ческую нагрузку повторы одинаковых конструкций. Например, у Евфимия:
Вѣса гѡтовѣ нѣсмь втѣдѣтн, аѣе нмѣнѣа, аѣе злато, аѣе срѣбро, аѣе внѣсѣ,
аѣе каменѣе чѣстнѡе (71) — в новоболгарском тексте: нѣ ннѣв вамь нн
срѣбро, нн злато, нн внѣсѣр, нн каменѣе мнѡво-цѣннѡ (59).

Влияние Евфимия проявилось также в общей взволнованности, поэ-
тичности, эмоциональности повествования.

Известный русский филолог-славист П. А. Сырку еще в 1883 г. дал
высокую оценку творчества Евфимия Тырновского. „Патриарх Евфимий, —
пишет он, — был великим болгарским литературным и духовным дея-
телем XIV века, но вместе с тем он был сыном своего века и народа.“²⁵
Сыновьями своего времени — времени упадка Османской империи, раз-
ложения военно-феодальной системы, усиления политики эксплуатации,
религиозной дискриминации и насильственной ассимиляции балканских
народов, с одной стороны, эпохи пробуждения национального самосоз-
нания, подъема освободительного движения, роста городов, развития ре-
месла и торговли, с другой — были и одаренные книжники XVII в. Для
них создание письменности на родном, доступном простому народу языке
явилось особой формой борьбы против языковой и религиозной ассими-
ляции, формой сплочения народности.²⁶ Обращаясь к произведению на-
ционального значения, напоминая болгарскому народу о славной деятель-

²⁵ П. А. Сырку. Несколько заметок..., с. 401.

²⁶ По мнению Д. Петкановой-Тотевой, частное переписывание Жития Петки болгарскими дамаскинарями можно считать своеобразным проявлением патриотизма, поскольку оно напоминало о некогда сильном болгарском царстве и поддерживало болгарский народный дух. (Д. Петканова-Тотева. Дамаскинѣтѣ в бѣлгарската литература, С., 1965, с. 107).

ности болгарского патриарха, рассказывая как бы его устами о героическом времени тырновского царя Иоанна Асена, сына старого болгарского царя Асена, который „крѣпко дѣржаше тогази царство“ (59), болгарские книжники XVII в. успешно решали важные исторические задачи своей эпохи.²⁷

И сегодня мы смело можем сказать, что литературное наследие талантливого писателя средневековья оставило свой след и в письменности переходного к новой литературе и новому литературному языку периода, периода болгарского Предвозрождения.

---

²⁷ Невольно напрашивается параллель с Паисием, который в своей „Истории славяно болгарской“, возвеличивая родной болгарский язык, напоминая болгарскому народу его славное прошлое, прибег по существу к тем же в своей основе средствам пробуждения народностного самосознания. Не случайно П. Динев, анализируя отношение между старой болгарской литературой и исторической судьбой болгарского народа, приходит к заключению, что некоторые новые элементы в письменности дамаскинов „насочват... вниманието ни напред, към епохата на възраждането... като перспектива и предназначение на измененията, които ще се извършат в облика и структурата на литературата“. (П. Динев. Старата българска литература и националната историческа съдба. — Старобългарска литература. Изследвания и материали, кн. I. С., 1971, с. 29). Отметим кстати, что в числе источников, к которым обратился Паисий в своей „Истории, было и Житие Петки Евфимия Тырновского. (Н. Драгова. Домашни извори на „История славянобългарска.“ — Паисий Хилендарски и неговата епоха, с. 303—316).